

Среди тех церковных иерархов, чьи судьбы тесно переплетены с историей Киевской Духовной Академии, особое место принадлежит святителю Иннокентию (Борисову, 1800–1857) — ее воспитаннику, профессору и ректору, с именем которого связаны важнейшие вехи становления КДА как образовательной, научной и культурной институции. Выдающийся проповедник и богослов, «великий гражданин», крупный церковный деятель — а именно таким запечатлелся образ свт. Иннокентия в памяти современников — он оставил заметный след и в развитии духовного образования в России XIX века, и в судьбе *alma mater*. Попытаться представить этот след с максимальной возможной полнотой и ясностью очертаний особенно уместно в свете приближающегося юбилея святителя.

Студенческие годы (1819–1823)

Как известно, свт. Иннокентий вошел в историю КДА, прежде всего, как самый выдающийся студент первого ее набора, состоявшегося в сентябре 1819 г. Сын елецкого священника, воспитанник Воронежского духовного училища (1810–1812) и Орловской духовной семинарии (1812–1819), Иван Алексеевич Борисов (таким было мирское имя будущего святителя) оказался в числе 54-х семинаристов, составивших I курс торжественно открывшейся 28 сентября 1819 г.¹ Киевской Духовной Академии².

Сохранившиеся фрагментарные сведения, относящиеся к начальному периоду в истории КДА как специализированного богословского

¹ Тут и далее — все даты по старому стилю.

² Среди сокурсников Борисова оказалось несколько будущих церковных иерархов — архиепископ Антоний (Шокотов), епископы Иустин (Михайлов) и Поликарп (Радкевич).

учебного заведения высшего типа, лишний раз подтверждают истину о том, что первопроходцам всегда приходится труднее тех, кто идет по проторенному пути. В роли таких первопроходцев оказались и студенты, и преподаватели реформированной Киевской Академии, *со*-трудничеством которых, собственно, и созидался фундамент духовно-академического образования в Киеве XIX–XX веков.

С самых первых лет основные «параметры» существования КДА как учебного и научного учреждения определялись Уставом 1814 г., регламентировавшим жизнь и деятельность православных духовных академий Российской империи, подчиненных цели «образовать благочестивых и просвещенных служителей слова Божия»³. Главными средствами для достижения этой цели признавались «духовные упражнения» (прежде всего — молитва), неукоснительное соблюдение установлений, утверждающих «повиновение и уважение к начальству», «доброе употребление времени» и «непрерывная деятельность», строгий уклад жизни, исключаяющий «всякое понятие о праздности»⁴. Построенное по принципу, в соответствии с которым «самые часы отдохновения должны иметь свой род занятий, самые прогулки должны быть поучительны», расписание студентов включало до десяти часов ежедневных лекций и самостоятельной подготовки (с кратковременными перерывами на трапезу, отдых и прогулку)⁵. Первые два года обучения (низшее отделение) предназначались для изучения философских, словесных, исторических и физико-математических дисциплин; на третьем и четвертом году (высшее отделение) изучались богословские науки, церковная история и церковная словесность. Кроме того, на протяжении всех четырех лет академического курса осуществлялось углубленное изучение Св. Писания, греческого, еврейского, немецкого и французского языков. Совершенствование познаний в латыни (путем чтения текстов античных и христианских классиков) продолжалось в рамках курса словесности; кроме того, до начала 1830-х гг. латинский язык оставался основным языком преподавания и подготовки текущих и курсовых сочинений студентов. Наряду с классными занятиями особый упор делался на самостоятельную работу («домашние упражнения»), состоящую в систематическом чтении указанной преподавателями литературы и написании сочинений на заданную тематику.

Что и говорить — во времена студенчества Ивана Борисова преодоление академического курса требовало колоссальных умственных

³ Высочайше утвержденный проект устава духовных академий 1814 года 30 августа // Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии. / С предисловием, введением и примечаниями проф. прот. Ф. И. Титова. К., 1913. Отд. III (1796–1869). Т. 4 (1813–1819). С. 79.

⁴ Там же. С. 80.

⁵ Там же. С. 80, 92.

и физических усилий, красноречиво описанных одним из его сокурсников: «...труды таковы, ихже око не виде, ухо не слыша и на сердце мое не всходило»⁶. Выдержать эти «труды» удавалось далеко не каждому (в частности, больше трети сокурсников Ивана Борисова так и не удалось завершить обучение — десять человек, в конечном счете, оставили академию, шестеро не дожили до ее окончания).

Не меньше «трудов» выпало и на долю тех немногочисленных преподавателей, силами которых осуществлялось обучение студентов I курса КДА — ректора Моисея Богданова-Платонова (Св. Писание⁷, введение в богословие, догматическое богословие)⁸, инспекторов Мелетия Леонтовича (греческий язык — в низшем отделении)⁹ и Смарагда Крыжановского (богословские науки)¹⁰, бакалавров Ивана Скворцова (философские науки), Павла Соколова (всеобщая словесность и немецкий язык), Аверкия Пушнова (церковная словесность), Евгения Соловьева (всеобщая гражданская история, общая церковная история и греческий язык в высшем отделении), Стефана Колерова (физико-математические науки, немецкий и французский языки), Александра Максимовича (еврейский язык), Якова Крышинского (французский язык), профессора Григория Огиевского (всеобщая гражданская история и французский язык)¹¹. Недавние выпускники Санкт-Петербургской духовной академии с магистерскими степенями (за исключением Евгения Соловьева — магистра Московской духовной академии) — большинство из них, едва вступая на преподавательское поприще, вынуждены было совмещать, как указано выше, преподавать несколько дисциплин (нехватка квалифицированных кадров — извечная проблема духовных академий того периода), и, вдобавок, выполнять предусмотренные Уставом административные функции. Чтобы представить нагрузку, ложившуюся на плечи наставников I курса, достаточно вспомнить протоиерея Иоанна Скворцова, читавшего и логику, и метафизи-

⁶ Цит. по: Малышевский И. Историческая записка о состоянии академии в минувшее пятидесятилетие // Труды Киевской Духовной Академии. К., 1869. № 11–12. С. 83.

⁷ Курс Св. Писания, прочитанный Моисеем Богдановым-Платоновым студентам I курса КДА в 1819–1821 гг., стал основанием для присуждения ему в 1822 г. докторской степени.

⁸ Ректор КДА в 1819–1823 гг., в начале 1824 г. архимандрит Моисей Богданов-Платонов (1783–1834) оставил Академию для епископского служения. Закончил свой жизненный путь в сане архиепископа Карталинского и Кахетинского, экзарха Грузии.

⁹ Инспектор КДА в 1819–1823 гг., архимандрит Мелетий Леонтович (1784–1840) был ее ректором в 1824–1828 гг. (с 1826 г. — в епископском сане). Закончил служение в сане архиепископа Харьковского и Ахтырского. Причислен к лику святых.

¹⁰ Смарагд Крыжановский (1796–1853), сменивший Мелетия Леонтовича на посту инспектора КДА летом 1821 г., преподавал в Академии до декабря 1826 г. Спустя несколько лет вернулся в КДА в качестве ректора и профессора богословия (1828–1830). Скончался в сане архиепископа Рязанского.

¹¹ См.: Списки начальников и наставников Киевской духовной академии за истекшее пятидесятилетие ея, 1819–1869 // Труды Киевской Духовной Академии. 1869. № 11–12. С. 381–402.

ку, и психологию, и историю философии, и нравственную философию, еженедельно проводя в аудитории по десять часов, да еще и совмещая преподавание с выполнением функций библиотекаря и обязанностями настоятеля одной из киевских церквей. Стоит ли удивляться, что, по оценкам слушателей, «философские лекции, читанные ним в академии [...] не отличались [...] ни обширной и многосторонней философской ученостью, ни особенной широтой и многообъемлемостью воззрений, ни тонкими диалектическими извилиями мысли, ни обширными и глубокими анализами...»?¹²

К сожалению, подобные оценки вполне уместны по отношению к курсам большинства академических наставников Ивана Борисова, деятельность которых оказалась кратковременным эпизодом в истории Киевской Духовной Академии и не оставила в ней заметного следа. Не случайно Иван Малышевский, обзоревав первое пятидесятилетие деятельности КДА, характеризовал период ее начального развития как особенно непростой и болезненный: «Одни из молодых преподавателей, особенно те, которые со скамьи студенческой непосредственно переходили на кафедру преподавательскую, надрывая силы свои над созданием заново еще не имевшихся систем и курсов научных, преждевременно умирали или увольнялись по болезни, действительно приведшей их к преждевременной кончине уже вне академии. То были первые жертвы рождающейся науки академической... Другие оставляли академическую службу для семинарской или епархиальной, преимущественно на родине, что объясняется и сознанным ими недостатком средств к обработке своих научных курсов, и надеждой в соединении семинарской службы с епархиальной найти обеспечение, необходимое в семейной жизни, которого не могла дать служба академическая. Наконец, некоторые из молодых преподавателей скоро выходили на гражданскую службу, а монашествующие через два-три года переводились на инспекторские и ректорские места в семинарии, также недавно преобразованные и нуждавшиеся в людях»¹³.

Тем не менее, сказанное отнюдь не значит, что среди духовно-академических преподавателей Иннокентия Борисова не было выдающихся личностей, сумевших оказать влияние на его становление. В частности, тщательное сравнение богословских курсов Иннокентия, прочитанных в КДА, с курсами Моисея Богданова-Платонова, осуществленное в начале XX века Митрофаном Ястребовым, убедительно демонстрирует

¹² [Поспехов Д. И. (Предисловие // Записки по нравственной философии протоиерея Иоанна Скворцова // Сборник из лекций бывших профессоров Киевской духовной академии, архимандрита Иннокентия, протоиерея И. М. Скворцова, П. С. Авсенева (архимандрита Феофана) и Я. К. Амфитеатрова, изданных академиею по случаю пятидесятилетнего юбилея (1819–1869) с. К., 1869. С. II.

¹³ Малышевский И. Указ. соч. С. 82.

их, с одной стороны, «близкое сходство»¹⁴ (в частности, «в конспекте Иннокентия удержаны все крупные и мелкие рубрики конспекта, представленные Моисеем к июньским экзаменам 1823 года»), а с другой — «глубокое различие как по логике, так и по степени знакомства их составителей с тогдашней систематикой богословских наук»¹⁵. Как свидетельствуют изыскания М. Ястребова, лекции Моисея повлияли на становление Иннокентия-богослова самым непосредственным образом, явившись источником творческой рецепции, расширившей горизонты русской богословской науки 1830-х годов. Кроме того, в лице Моисея юный Иван Борисов встретил достойный подражания образец лектора, увлеченного своим предметом. По словам Виктора Аскоченского, слушатели Моисея не могли «без восторга вспоминать его одушевленной речи, его смелых взглядов на науку, ясного метода изложения, свежести мыслей и легкости выражения»¹⁶. К слову, в курсе Св. Писания Моисей отказался от традиционной латыни, отдав предпочтение русскому языку. Воочию убедившись в плодотворности этого опыта, Иннокентий, как увидим далее, с первых шагов своего ректорства сделает его основным языком преподавания в КДА.

На наш взгляд, Моисей Богданов-Платонов, которого справедливо считают «настоящим строителем» Киевской Духовной Академии «и в смысле духовном, и в смысле материальном»¹⁷, явил Иннокентию яркий пример беззаветного служения и на ректорском поприще. Органичное сочетание «достоинств профессора» с «достоинствами умелого и энергического распорядителя [...] приветливого начальника, дружелюбного сослуживца», — все эти черты, отличавшие Моисея, унаследует на ректорском поприще и его студент Иван Борисов, впоследствии особенно указывавший на роль своего наставника в истории КДА. В 1831 г.

¹⁴ Несколько ранее сходство программ богословских курсов свт. Иннокентия и Моисея отмечал и известный историк КДА прот. Федор Титов. Тот факт, что программа свт. Иннокентия стала основой богословских чтений для следующего поколения киевских духовно-академических профессоров богословия, представленного Дмитрием Муретовым и Макарием Булгаковым, послужил основанием для вывода прот. Ф. Титова о том, что «первоначальный источник программы богословских наук, преподававшихся в Киевской духовной академии в течение тридцати лет после ее преобразования и затем сделавшихся достоянием печати в виде известных трудов м [итрополита] Макария, заключается именно в чтениях преосв. Моисея». При этом Ф. Титов специально акцентировал внимание на том, что речь идет исключительно о программах, а не о самих чтениях (см.: Титов Ф. Очерки из истории Киевской Духовной Академии: Преосвященный Моисей Богданов-Платонов, первый ректор Киевской Духовной Академии (1819–1823) // Труды Киевской Духовной Академии. 1897. № 10. С. 189).

¹⁵ Ястребов М. Высокопреосвященный Иннокентий (Борисов) как профессор богословия Киевской Духовной Академии // Труды Киевской Духовной Академии. 1900. № 12. С. 532.

¹⁶ Аскоченский В. История Киевской духовной академии по преобразовании ее в 1819 году. СПб., 1863. С.???

¹⁷ Мацеевич Л. Заметки и материалы для истории Киевской Духовной Академии. Прощание с Киевской Духовной Академией первого ее ректора Моисея // Труды Киевской Духовной Академии. 1893. № 1. С. 78.

он поддержит инициативу митрополита Киевского Евгения (Болховитинова), касающуюся избрания Моисея Богданова-Платонова — «учредителя нового порядка в Киевской Духовной Академии», который «своими трудами положил основание ее благоустройству и образованию» — почетным членом Академической конференции КДА¹⁸.

Побуждая своих воспитанников к «деятельному христианству» и заботясь о нравственно-воспитательной составляющей их духовно-академического образования, Моисей опирался, конечно же, на поддержку всей преподавательской корпорации КДА, но прежде всего — своего сокурсника и соратника, инспектора архимандрита Мелетия Леонтовича (их тандем продемонстрировал свою эффективность еще при устройении Киевской духовной семинарии в 1817–1819 гг.). И хотя совместное пребывание Мелетия и Ивана Борисова в стенах Киевской Духовной Академии не было продолжительным (в августе 1821 г. Мелетий был назначен ректором Могилевской духовной семинарии), можно с уверенностью сказать, что их общение, не ограничивавшееся только аудиторией (как один из «старших» студентов, Борисов был вовлечен в осуществление воспитательного процесса в полной мере), оставило глубокий след в душе воспитанника. И это не случайно, ведь в памяти современников Мелетий, прославленный впоследствии в лике святителей, запечатлелся живым примером праведности и «деятельного христианства», с отеческой любовью взращиваемых ним в своих питомцах.

В свете вышеуказанного, известное и до сих пор тиражируемое замечание митрополита Макария (Булгакова) о том, что «в академии Борисов более сам образовывал себя чрез чтение, размышление и упражнение в сочинениях, нежели чрез лекции наставников, которые вообще далеко не удовлетворяли его»¹⁹, не следует, на наш взгляд, истолковывать столь буквально, как это делает большинство авторов, характеризующих студенческие годы Иннокентия одним абзацем, а иногда — одним предложением. Даже принимая во внимание вполне оправданную неудовлетворенность Иннокентия уровнем преподавания некоторых бакалавров и профессоров, вряд ли уместно связывать процесс его богословского становления исключительно с самообразованием. Тем более, исследования уже следующего за Макарием поколения историков Киевской Ду-

¹⁸ См.: Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии. / С предисловием, введением и примечаниями профессора протоиерея Ф. И. Титова. К., 1915. Отд. III (1796–1869). Т. 5 (1823–1869). С. 61.

¹⁹ Биографическая записка о преосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом, ординарного академика, преосвященного Макария, епископа Тамбовского и Шацкого // Венок на могилу Высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического. Собрание воспоминаний о нём с приложением избранных проповедей [сост. М. Погодин]. М., 1867. С. 20–40. Цит. по: Биографическая записка о Преосвященном Иннокентии... // Первый Липецкий. URL: <http://www.lipetsk.ru/town/kraeved/glava2/makariii.html>. Дата публикации: 28.04.2010 г.

ховной Академии подготовили почву для установления преемственной связи между Иннокентием и главными из его академических наставников — Моисеем Богдановым-Платоновым и Мелетием Леонтовичем, признания его «истинным продолжателем и завершителем их деятельности»²⁰.

Что же касается «самообразования», то тягу к нему следует рассматривать скорее как неизбывную личную черту Иннокентия Борисова, присущую ему с детских лет. «...Природа дала мне пытливый ум, который с продолжением времени сделался еще пытливей»²¹, — в этой самохарактеристике Иннокентия, высказанной в письме к другу времен академической юности Александру Белюгову в июне 1825 г., содержится один из главных, по нашему мнению, ключей к постижению многообразия научных интересов и широты умственного кругозора, отличавших будущего святителя. Именно этой «пытливостью ума» и можно объяснить его интерес не только к богословским наукам, но и к философии, истории, археологии, нумизматике, анатомии, военному искусству, геологии, ботанике, садоводству, астрономии и т. д. Познания, приобретенные Иннокентием в этих областях, были столь обширны, что, порой, поражали специалистов, и даже явились основанием для избрания его в действительные члены целого ряда светских научных сообществ (Академии Наук, Общества сельского хозяйства Южной России, Вольного экономического общества, Археологического и Русского Географического обществ) и университетов (Московского, Санкт-Петербургского, Харьковского).

Разумеется, все эти многообразные и обширные познания, выходящие далеко за рамки богословских наук, — результат постоянного самообразования, обусловленного глубокой внутренней потребностью знать и понимать. Рано научившись читать, он до последних дней не расставался с книгами. Количество книг, окружавших его, поражало современников: он в буквальном смысле засыпал с книгой и на книгах. Невероятная тяга к знаниям, удовлетворявшаяся систематическим и разнообразным чтением, а также привычка к извлечению «экстрактов» из прочитанного, особенно отличала Борисова среди сокурсников по семинарии и академии, в памяти которых запечатлелось его умение ясно и доходчиво излагать прочитанное.

Конечно же, это умение — лишнее свидетельство тех, судя по отзывам современников, поистине выдающихся способностей, которыми был наделен святитель Иннокентий, гармонично сочетавший в себе «...

²⁰ Титов Ф., проф. прот. Императорская Киевская Духовная Академия в ее трехвековой жизни и деятельности (1615–1915 гг.): Историческая записка. К., 2003. С. 359.

²¹ Материалы для истории Киевской Духовной Академии [публикация Льва Мацеевича] // Киевская старина. 1882. № 3. С. 517.

высокий, светлый, пронизательный ум, всегда богатое, неистощимое воображение, живую и обширнейшую память, легкую и быструю сообразительность, тонкий и правильный вкус, дар творчества, изобретательности и оригинальности...»²².

Все эти качества проявились уже в студенческие годы Ивана Борисова, быстро выделив его среди сокурсников, лучшие из которых не могли сравниться с ним одаренностью. Возглавив разрядный список уже после первого полугодичного испытания, проведенного в декабре 1819 г., он не оставлял своего «пьедестала» до конца академического курса, удостоившись ни у кого потом не встречающейся в аттестате отметки — «способностей *«особенных»*, успехов в науках богословских и философских, церковном красноречии и языках еврейском, греческом и французском *«отличных пред всеми»*»²³. Наконец, о том, что лучший из магистров I курса КДА вышел из нее вполне сложившимся богословом, свидетельствует его диссертация «О нравственном характере Господа нашего Иисуса Христа»²⁴, предвещающая в нём, по справедливому замечанию И. Малышевского, автора знаменитой книги «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа». Стремительный взлет академической карьеры молодого магистра, его плодотворная преподавательская, проповедническая, научная деятельность, в короткий срок снискавшая ему известность и уважение не только в церковных кругах, — убедительное свидетельство успешного начала деятельности Киевской Духовной Академии, чей первый выпуск увековечило имя святителя.

Во главе КДА (1830–1840)

Спустя семь лет со дня окончания Киевской Духовной Академии Иван Борисов (к тому времени — архимандрит Иннокентий²⁵) возвратился в Alma mater уже в статусе ректора и профессора богословия (на эти должности он был назначен 27 августа 1830 г.). Несмотря на молодость (ему не исполнилось еще и тридцати лет) за плечами нового ректора был немалый опыт преподавания и административной деятельности²⁶, оставившей заметный след в истории Санкт-Петербургской ду-

²² Цит. по: Биографическая записка о Преосвященном Иннокентии... // Первый Липецкий. URL: <http://www.lipetsk.ru/town/kraeved/glava2/makarii.html>. Дата публикации: 28.04.2010 г.

²³ См.: Ястребов М. Указ. соч. С. 523.

²⁴ См.: Некоторые опыты упражнений воспитанников Киевской Духовной Академии... К., 1824.

²⁵ Пострижение Ивана Борисова (с именем Иннокентия) состоялось 10 декабря 1823 г., спустя несколько месяцев после окончания КДА, из чего можно сделать вывод, что решение принять монашество созрело в нём еще в годы студенчества. В сан архимандрита Иннокентий был возведен 16 марта 1826 г.

²⁶ После окончания КДА он получил назначение на должность инспектора и профессора церковной истории и греческого языка Санкт-Петербургской духовной семинарии (28 августа 1823 г.), спустя несколько месяцев стал также ректором Санкт-Петербургского Александро-

ховной академии²⁷, а также неординарных, особенно для тех лет, исследований, принесших ему докторскую степень²⁸ и репутацию либерально мыслящего богослова.

Родную Киевскую Академию Иннокентий застал в далеко не цветущем состоянии. Бакалавры и профессора по-прежнему не задерживались на своих должностях. Та же «текучесть кадров» касалась инспекторов и ректоров (за недолгую историю КДА Иннокентий был уже шестым ее ректором). Естественно, что «при такой сменяемости лиц в академической корпорации, — как справедливо замечал Иван Малышевский, — в ней не могла прочно установиться союзная деятельность и последовательность научных занятий, обогащающая общее достояние науки»²⁹. Осуществлялись спорадические попытки каких-то переводов — бессмысленных уже потому, что их никто не издавал. Скучное жалование заставляло преподавателей, большей частью, заботиться не столько о качестве своих лекций³⁰, сколько о хлебе насущном³¹. Среди студентов «развивался больше и больше критицизм, а с ним — страшное колебание веры»³². Основную массу занимали мысли не столько о науке, сколько о месте в разрядном списке и зависящем от него распределении. Во всех сферах академической жизни царили дух рутины и стагнации.

Невского училища (13 ноября 1823 г.); 16 декабря 1824 г. был переведен в Санкт-Петербургскую духовную академию бакалавром богословия, где вскоре назначен на должность инспектора (2 сентября 1825 г.) и экстраординарного профессора богословия (6 января 1826 г.) (см.: Послужной список Иннокентия, архиепископа Херсоно-Таврической епархии // Венок на могилу Высокопреосвященного Иннокентия... С. 1–7 Цит. по: Послужной список... // Первый Липецкий. URL: <http://www.lipetski.ru/town/kraeved/glava2/posluzhnoi.html>. Дата публикации: 28.04.2010 г.

²⁷ «Своей ученой деятельностью, — как утверждают исследователи, характеризую петербургский период его биографии, — архимандрит Иннокентий имел огромное влияние на состояние всей академической жизни. Он отрезвил и оживил ее... и на личном примере показал русскому обществу, чем может быть духовно-учебное заведение» (Бутягин А. П. Жизнь Иннокентия, архиепископа Херсонского, и его заветы русскому народу. Сергиев Посад, 1907. Ч. 2. С. 597).

²⁸ Степень доктора богословия Иннокентий (Борисов) получил за напечатанные в «Христианском чтении» сочинения «Жизнь священномученика Киприана, епископа Карфагенского» (1825), «Жизнь св. апостола Павла» (1826) и «Последние дни земной жизни Иисуса Христа» (1828–1830).

²⁹ Малышевский И. Указ. соч. С. 83.

³⁰ Что касается последних, довольно нелестные сведения о них оставлены студентом V курса (1827–1831) Николаем Соколовым (см.: Воспоминания и автобиография одесского протоиерея Н. И. Соколова // Киевская старина. К., 1906. № 10. С. 155–197).

³¹ «Академия наша, — писал свт. Иннокентий в декабре 1830 г., — никак не может похвалиться тем, что имеет всё нужное. И, во-первых, состояние учачи, особенно светских и семейных, очень, очень затруднительно. Жалованье их, весьма умеренное само по себе, от чрезвычайного неурожая хлеба в здешней стороне и от необыкновенной дороговизны квартир... сделалось совершенно незначительным. А происходящая отсюда бедность приметно отнимает дух и заставляет некоторых ждать первого удобного случая оставить службу академическую» (Выписки из Нечаевского архива // Старина и новизна. 1905. Кн. 9. С. 213).

³² Воспоминания и автобиография одесского протоиерея Н. И. Соколова // Киевская старина. 1906. № 10. С. 164.

Появление в этом «сонном царстве» энергичного, деятельного, полного творческих замыслов и сил Иннокентия произвело неизгладимое впечатление прежде всего на студентов: «Когда стал читать лекции... Иннокентий, — вспоминал один из них, — то он до того увлек нас, что мы находили его несравненным»³³. В лице нового ректора и профессора богословия большинство из них впервые увидело не «человека в футляре», а личность с широким кругозором, огромной эрудицией в разных сферах знания и неподдельным интересом не только к своему предмету, но и ко всему, что заслуживает познания. В отличие от многих своих коллег, Иннокентий не читал с листочка, списанного с латинских компендиумов, а излагал материал живым и образным русским языком, свободным от схоластической манеры с ее определениями, разделенными и доказательствами. «Ходит по классу, садится редко, а речь у него так и льется, словно рекой. Если б кто стал за дверью и прислушался, наверное подумал бы, что читается книга, написанная самым превосходным слогом [...] Нужны ли, например, тексты из Св. Писания для подтверждения истины? Вот они, нередко с подробным истолкованием. Или историческое начало известной истины? Укажет и его, и проведет по векам. Мнения ли отцов Церкви? Представит и их и произнесет на латинском или на греческом языке»³⁴, — эти студенческие воспоминания, исполненные неподдельного благоговения перед талантом и интеллектом наставника, являются убедительным свидетельством того, что лекции Иннокентия отнюдь не заслуживали пренебрежительных характеристик со стороны некоторых богословов-консерваторов, считавших их «пустозвонной, великолепной шелухой»³⁵. Наряду с яркой и свободной манерой изложения «в лекциях Иннокентия поражала слушателей широкая и сильная теоретическая мысль», способность к «увеличению перспективы», в которой «каждая частность рассматривается в свете целого, как связное звено одной мировой цепи»³⁶.

Как свидетельствуют изыскания М. Ястребова, лекторская деятельность Иннокентия в КДА относится, собственно, к концу 1830³⁷ — пер-

³³ Воспоминания и автобиография одесского протоиерея Н. И. Соколова. С. 180.

³⁴ Иоасаф (Гапонов). Воспоминания о преосвященном Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом // Венок на могилу Высокопреосвященного Иннокентия... С. 72–89. Цит. по: Воспоминания о Преосвященном Иннокентии... // Первый Липецкий. URL: <http://www.lipetsk.ru/town/kraeved/glava2/posluzhnoi.html>. Дата публикации: 28.04.2010 г.

³⁵ Последняя характеристика принадлежит ректору Санкт-Петербургской духовной академии в 1826–1830 гг. Иоанну (Доброзракову) — впоследствии архиепископу Донскому и Новочеркасскому (см.: Выписки из Нечаевского архива... С. 209).

³⁶ [Поспехов Д. И.] Биографическая заметка. Из лекций профессора Академии архимандрита Иннокентия по догматическому и нравственному богословию // Сборник из лекций бывших профессоров Киевской духовной академии... С. IV–V.

³⁷ Назначенный на должности ректора и профессора КДА, как отмечено выше, 27 августа 1830 г., Иннокентий приступил к непосредственному исполнению своих обязанностей 15 ноября 1830 г. (см.: Ястребов М. Указ. соч. С. 524).

вой половине 1835 гг.: в 1830/31 учебном году он завершил изложение догматического богословия для студентов V курса (1827–1831); в 1831/32 и 1832/33 учебных годах прочитаны введение в круг богословских наук и полная система догматики для студентов VI курса (1829–1833); в 1833/34, 1834/35 учебных годах преподааны введение в круг богословских наук и нравственное (или, в терминологии того времени, *деятельное*) богословие студентам VII курса (1831–1835)³⁸. После посвящения в епископский сан, состоявшегося 21 ноября 1836 г. в Казанском соборе Санкт-Петербурга, святитель Иннокентий, приступивший, помимо ректорства, к обязанностям викария Киевской епархии и настоятеля Киевского Златоверхого Михайловского монастыря, «не читал уже постоянных и регулярных лекций, а, как гласит предание, только изредка являлся в аудиторию и прочитывал по выбору отдельные трактаты из какой-нибудь богословской науки»³⁹.

Следует отметить, что содержание богословских лекций Иннокентия, прочитанных в Киевской Духовной Академии⁴⁰ и снискавших довольно противоречивые оценки, заслуживает специального и глубокого анализа, выходящего за рамки нашего очерка. Здесь же ограничимся тем, что отметим несомненность попытки Иннокентия, говоря словами Иллариона Чистовича, «вести новую струю в безжизненное дотоле богословие»⁴¹. Ведь не секрет, что во времена ректорства Иннокентия самыми «свежими» учебными пособиями по богословским наукам, рекомендованными Комиссией духовных училищ для изучения в духовных академиях (1825), всё еще оставались преимущественно латиноязычные трактаты, составленные, большей частью, в XVIII веке и далеко не свободные от духа схоластики — «Основы герменевтики священных текстов» («*Institutiones hermeneuticae sacrae*») Иоганна Якоба Рамбаха (1724), «Догматы православной Восточной Церкви, или Христианское учение о том, во что верить и как поступать» («*Orthodoxae Orientalis Ecclesiae dogmata, seu Doctrina christiana de credendis et agendis*») Феофилакта Горского (1784), «Христианское богословие в кратком изложении» («*Theologiae christianae compendium*») Ириней Фальковского (1802). Поэтому, оценивая богословский опыт Иннокентия в контексте русской богословской науки первой половины XIX века, следует отдать должное его стремлению к развитию последней с учетом критически

³⁸ См.: Ястребов М. Указ. соч. С. 524–528.

³⁹ Там же. С. 528.

⁴⁰ Часть лекций Иннокентия Борисова в записях студентов опубликована Дмитрием Поспеловым к 50-летию юбилею КДА. См.: Из лекций профессора Академии архимандрита Иннокентия по догматическому и нравственному богословию // Сборник из лекций бывших профессоров Киевской духовной академии... К., 1869. 363 + VIII с.

⁴¹ Чистович И. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия духовных училищ. СПб., 1894. С. 162.

осмысленного опыта новейших европейских систем, приближение ее к современному уровню богословия, очерчиванию целостного «круга» богословских дисциплин, средоточием которого является христианское учение о религии. Новаторский характер лекций Иннокентия выразился как в разработке ряда академических богословских дисциплин — в частности, *основного богословия* (в его терминологии — *религиозистики*, трактующей о сущности религии и создающей фундамент богословской системы), *сравнительного богословия* (предполагающего анализ и оценку разных вероисповеданий с точки зрения Православия), *экклезиастики* (или «церковного богословия»), включающей *символику* (учение о символах и древних определениях веры), *литургику* (учение о церковных таинствах и священнодействиях), *иерархику* (учение о церковной иерархии), *канонику* (учение о церковном праве), — так и в применении к изложению богословских наук (впервые в России) исторического и сравнительного методов.

Трансформации богословского курса, предпринятые Иннокентием, не замедлили сказаться и на преподавании других академических дисциплин, так же отказавшихся от устаревших пособий и латыни, сковывавшей свободу мысли и слова и тех, кто стоял за кафедрой, и тех, кто сидел за партой. И хотя конспекты, составлявшиеся преподавателями к экзаменам, писались по-латыни почти до конца 1830-х гг., живая русская речь, стимулировавшая их самостоятельное творчество, воцарилась в аудиториях КДА уже в первые годы ректорства Иннокентия.

Обладая могучей созидательной энергией, святитель Иннокентий отличался особым умением возбуждать ее в окружающих. «Академия имеет весьма способных людей, коим не достает только случая показать свои дарования»⁴², — исходя из этой своей оценки, высказанной в письме обер-прокурору Сергею Нечаеву спустя месяц своего пребывания в Киеве, Иннокентий без промедления принялся за обустройство вверенного ему «вертограда духовного». Талантливый администратор, он действовал сразу во многих направлениях — «для поддержания энергии в преподавателях»⁴³ часто посещал их лекции и неуспынно наблюдал за внеклассными занятиями студентов; спланировал преподавательскую корпорацию, стимулируя ее творческую активность; поощрял и развивал научные стремления студентов, умея разглядеть и направить молодые дарования; возрождал прежние и создавал новые традиции, способствовавшие единению киевского духовно-академического сообщества; прилагал систематические усилия по развитию академической библио-

⁴² Выписки из Нечаевского архива. С. 214.

⁴³ Биографическая записка о преосвященном Иннокентии... // URL: <http://www.lipetsk.ru/town/kraeved/glava2/makarui.html>.

теки; заботился о материальных нуждах и решении бытовых вопросов⁴⁴; проявлял живое участие в судьбах коллег и воспитанников, стараясь «поддержать человеческую слабость, утешить семейное горе, помочь молчаливой нужде»⁴⁵.

Что касается преподавательской корпорации КДА, то только с приходом Иннокентия она почувствовала себя единым целым, сплотившись вокруг решения общих учебных и научных задач, — в частности, выбора наиболее эффективных методик преподавания, повышения продуктивности самостоятельных занятий студентов, ученых изысканий, способствующих делу духовного просвещения. Так, по предложению Иннокентия, единодушно поддержанному всеми преподавателями, 5 октября 1832 г. академическая конференция закрепила за каждым из наставников подготовку определенного учебного пособия или перевода новейших западных изданий⁴⁶. Как свидетельствуют журналы академической конференции последующих лет, этот первый и важный шаг положил начало систематической научной деятельности бакалавров и профессоров КДА. Особым стимулом для последней стало инициированное святителем Иннокентием издание первого киевского журнала — еженедельника «Воскресное чтение», выходившего с Пасхи 1837 г. и помещавшего, преимущественно, проповеди, переводы и статьи религиозно-нравственного содержания, принадлежащие наставникам Академии. Душой журнала, имевшего важное просветительское и воспитательное значение, в начальный период его истории был сам Иннокентий, сумевший «своей редакцией и искусным выбором прочих статей [...] поставить журнал с первого раза на высокую степень совершенства и приобрести ему многочисленных читателей»⁴⁷.

Усилия Иннокентия, направленные на развитие научной жизни в Киевской Духовной Академии, касались не только преподавателей, но и студентов. Не поощряя заучивания лекций, он побуждал воспитанников к самостоятельным размышлениям, вдумчивому и систематическому чтению, упражнению в переводах научной литературы⁴⁸, расширению

⁴⁴ В частности, стараниями Иннокентия улучшены условия жизни студентов; реконструирована больница; усовершенствован физический кабинет; обустроен академический двор, в котором впервые появились аллеи; преобразен конгрегационный зал, украшенный портретами выдающихся деятелей Киевской Академии. Современники особенно отмечали чистоту и порядок, царившие в КДА «иннокентиевского периода».

⁴⁵ Малышевский И. Указ. соч. С. 94.

⁴⁶ Акты и документы... С. 85.

⁴⁷ Биографическая записка о преосвященном Иннокентии... // URL: <http://www.lipetsk.ru/town/kraeved/glava2/makarrii.html>.

⁴⁸ По инициированному архимандритом Иннокентием решению Академической конференции, принятому 5 октября 1832 г., каждый студент КДА обязывался заниматься переводами на русский язык книг «лучших иностранных писателей» таким образом, чтобы на протяжении курса была переведена какая-либо книга по каждому классу наук (см.: Акты и документы... С. 86).

умственного кругозора, постоянного самосовершенствования. Одним из первых шагов, предпринятых новоизмененным ректором, был пересмотр тем выпускных сочинений, «напоминавших схоластическую отвлеченность», и их замена «другими, представлявшими большой интерес жизненный или исторический»⁴⁹. И хотя этот аспект новаторства Иннокентия возбуждал особенное неудовольствие Комиссии духовных училищ, неоднократно указывавшей на обширность тем и пространность рассуждений киевских воспитанников, и даже наличие в них «погрешительных мест», пропущенных наставниками⁵⁰, следует отметить неизмеримо повысившийся, по сравнению с предыдущим десятилетием, уровень студенческих работ, вышедших из КДА в 1830-х годах. По инициативе святителя Иннокентия, Киевская Духовная Академия возобновила установленную еще о. Моисеем (Богдановым-Платоновым) традицию печатать сборники сочинений воспитанников⁵¹. Со времен ректорства святителя Иннокентия лучшие выпускные сочинения студентов КДА стали выходить отдельными изданиями⁵², вызывая интерес не только в богословских и церковных кругах, но и у читающей публики. Важно отметить, что наставления, касающиеся «стяжания знаний», Иннокентий подкреплял неусыпной заботой о создании условий для занятий студентов и даже материальным их стимулированием⁵³. Его стараниями давно запущенная библиотека КДА, до начала 1830-х гг. не выписывавшая даже периодических изданий, не говоря о новейшей западной литературе, превратилась в «главнейшее учебное пособие»⁵⁴. А обустроенный в библиотеке читальный зал (1832)⁵⁵ сделал студенческие занятия более комфортными и продуктивными.

Значительное оживление научной жизни КДА, происшедшее с приходом Иннокентия Борисова, не замедлило сказаться самым позитивным образом и на преподавании всех академических дисциплин. Отход от устаревших латинских пособий и ориентация на новейшую литерату-

⁴⁹ Мальшевский И. Указ. соч. С. 95.

⁵⁰ См.: Акты и документы... С. 113–114, 157–158.

⁵¹ См., например: Опыты упражнений воспитанников Киевской духовной академии пятого учебного курса. К., 1832; Собрание сочинений студентов Киевской Духовной Академии. К., 1839.

⁵² См.: Остромысленский Е. Исследование о древнейшей киевской церкви св. Ильи. К., 1830; Новицкий О. О духоборах. К., 1832; Григорьев Н. Историческое обозрение богослужебных книг Греко-Российской Церкви. К., 1836; Евсевий Ильинский. Кто был первый митрополит Киевский? К., 1839 и др.

⁵³ Как вспоминает Николай Соколов, Иннокентий «выписывал немецкие и французские книги и давал студентам переводить их от листа, платя за лист с французского по 1 рублю, а с немецкого — по 1 рублю 50 копеек» (см.: Воспоминания и автобиография одесского протоиерея Н. И. Соколова. С. 181).

⁵⁴ Только в 1835–1837 гг. академическая библиотека приобрела 1300 книг на разных языках на сумму свыше 7 тыс. рублей (см.: Акты и документы... С. 189).

⁵⁵ См.: Акты и документы... С. 86.

ру по предмету, осуществлявшаяся совместными усилиями преподавателей и студентов, способствовали освобождению академической науки от налета схоластицизма и выходу ее на качественно иной уровень.

Особенно скорый и успешный «прорыв», стимулированный глубоким интересом Иннокентия к философии, коснулся преподавания философских дисциплин. Стараниями Иннокентия и преподаватели и студенты КДА, оставив, наконец, давно устаревшие вольфианские учебники, открыли для себя мир новейшего немецкого идеализма, впервые приобщившись к современным философским процессам и получив возможность разработки собственных курсов, основанных на непосредственном изучении первоисточников. Критическое осмысление последних через призму православного вероучения послужило мощным импульсом для развития всех составляющих духовно-академической философии тех лет — истории философии, логики, метафизики и, в особенности, психологии, преподавание которой впервые закреплялось за отдельным наставником (с 1833 г. философский курс читался тремя преподавателями). В результате реформирования преподавания философских дисциплин, осуществленного Иннокентием, Киевская Духовная Академия 1830-х гг. взрастила целую плеяду выдающихся философов, представленную Орестом Новицким, Сильвестром Гогоцким, Иосифом Михневичем, Петром Авсеневым (архимандритом Феофаном). Их вклад в развитие духовно-академической и университетской философии XIX в. трудно переоценить.

С именем святителя Иннокентия связан и значительный этап в становлении гомилетики как академической дисциплины. Выдающийся проповедник, безукоризненно владевший даром слова и заслуженно снискавший славу «Русского Златоуста», он уделял огромное внимание совершенствованию в искусстве церковного красноречия и студентов, и преподавателей КДА. В частности, именно Иннокентию принадлежит заслуга возрождения давней академической традиции торжественного совершения пассий и ежегодного молитвенного поминовения основателей и благодетелей Киевской Академии в день кончины Петра Могилы, 31 декабря⁵⁶. Несмотря на всю свою занятость, он находил время для личного прочтения и подробного разбора студенческих проповедей, обсуждения всех тонкостей церковной словесности, истолкования Св. Писания (по воскресным и праздничным дням), которому придавал важнейшую роль в овладении мастерством проповедничества. «Чтобы сделаться хорошим проповедником, — говорил Иннокентий, наставляя студентов, — для этого требуется немного. [...] Пишите, во-первых, просто, без всяких умствований: это не в духе Евангельских истин. Видите, как они просты и доступны для каждого, и как обильны мыслями!

⁵⁶ См.: Титов Ф., проф. прот. Императорская Киевская Духовная Академия... С. 360.

Читаешь и не начитаешься. Пишите, во-вторых, не с тем, чтобы показать себя, или, так сказать, блеснуть: этой мысли вы опасайтесь, иначе уклонитесь от цели. Нам нужно убедить, наставить, вразумить. Вот цель проповедника! Но, главное, вы сами должны быть прежде всего убежденными в той истине, какую хотите передать другим, а для этого нужны твердая вера и доброе сердце. Третье, касательно слушателей: принимайте их, кто бы они ни были, не более как за ваших учеников, и вы будете говорить смело и свободно; говорите, а не читайте, старайтесь говорить наизусть, и слушатели всегда останутся довольными; наконец, в-четвертых, помните, что исходя на среду церкви для проповедания, выходите как бы на всемирную апостольскую проповедь, что вы — то же, что посланники Божии. Представив всё это, вы невольно возблагодарите пред своим высоким назначением, и произнесете проповедь прекрасно»⁵⁷.

Но главной школой проповедничества для студентов Киевской Духовной Академии были проповеди самого Иннокентия, произносившиеся ним в Софийском соборе, Киево-Печерской Лавре, Братском училищном монастыре. Как отмечает митрополит Макарий (Булгаков), «для слушания его Слов, всегда произносившихся без пособия тетради, голосом чистым и звучным, с необычайным жаром и увлечением, — Слов, которые умиляли, трогали, поражали, восторгали слушателей, стекались несметные толпы: и имя Иннокентия, как затмившего собою всех проповедников, когда-либо бывших в Киеве, переходило из уст в уста. По мере того, как Слова писались и произносились, он не медлил издавать их в печати, и вскоре одни за другими явились его: «Собрание слов и бесед» в двух томах, его «Страстная седмица», «Светлая седмица» и «Первая седмица Великого поста». Те, кто были современниками издания этих Слов и особенно Седмиц, те помнят, с каким нетерпением, восторгом, жадностью читались и перечитывались они людьми всех сословий от самого высшего до низшего...»⁵⁸.

Следует отметить, что проповеднический опыт и мастерство Иннокентия, его тонкое и глубокое понимание сущности и значения церковного проповедничества оказали несомненное влияние на всех преподавателей КДА, но в первую очередь — на одного из ближайших его соратников, профессора церковной словесности Якова Косьмича Амфитеатрова, послужив стимулом для создания его знаменитых «Чтений по церковной словесности, или гомилетики» (1846), сохранявших значение классического учебного пособия по составлению и произнесению проповедей на протяжении XIX — начала XX вв. Практическая

⁵⁷ Иоасаф (Гапонов). Воспоминания о преосвященном Иннокентии... // URL: <http://www.lipetsk.ru/town/kraeved/glava2/gaponov.html>.

⁵⁸ Биографическая записка о преосвященном Иннокентии... // URL: <http://www.lipetsk.ru/town/kraeved/glava2/makariev.html>.

школа проповедничества, пройденная у святителя Иннокентия (Борисова), сыграла огромную роль и в становлении всех его воспитанников, среди которых — такие знаменитые мастера церковного красноречия, как митрополит Макарий (Булгаков), архиепископы Димитрий (Муретов), Евсевий (Ильинский) и Аполлос (Беляев), епископ Антоний (Амфитеатров), архимандрит Фотий (Щиревский) и др.

Следует отдать должное и последовательной поддержке святителем Иннокентием усилий митрополита Киевского Евгения (Болховитинова), направленных на развитие церковно-исторической науки в Киевской Духовной Академии. Испытывая огромный интерес к церковной истории и археологии, выразительно проявившийся в период ректорства в КДА, Иннокентий вовлекал коллег по Академии во все свои многочисленные ученые начинания, связанные с подготовкой к изданию памятников церковной истории, православных вероучительных изложений и исповеданий, церковных правил, деяний Вселенских Соборов и т. д. К сожалению, большинство научных проектов святителя Иннокентия остались незавершенными, однако опыт, приобретенный преподавателями КДА в их разработке, стал для них бесценной школой, давшей толчок к самостоятельным изысканиям на богословской и историко-церковной ниве. Среди них — изучение местных церковных достопримечательностей, описание храмов и рукописей монастырских библиотек, исследование богатейшего церковного наследия, которому Иннокентий придавал исключительно важное значение. Достаточно вспомнить знаменитый «Паломник киевский» (1842) — первый в истории Киева путеводитель по святым местам, составленный профессором КДА Иваном Петровичем Максимовичем, для того чтобы убедиться в том глубоком отклике, который находили в сердцах коллег святителя Иннокентия его творческие идеи и замыслы.

Рассматривая канонику как одну из важных частей богословской науки, владыка Иннокентий способствовал и пополнению перечня академических дисциплин церковным правом, изучение которого предусматривалось уставом, но не выполнялось «по недостатку классической книги и по неимению свода духовных законов»⁵⁹. В феврале 1837 г. академическая конференция поддержала совместную инициативу Иннокентия и профессора Ивана Михайловича Скворцова, уже имевшего опыт не только чтения церковного права в Университете св. Владимира, но и подготовке первого в России учебного пособия по каноническому праву (впоследствии многократно переиздававшиеся «Записки по церковному законоведению»), ввести преподавание студентам высшего отделения КДА, приняв «сей новый бескорыстный труд... с благодарностью»⁶⁰.

⁵⁹ Акты и документы... С. 168.

⁶⁰ Акты и документы... С. 169.

Забываясь о совершенствовании учебной и научной сторон жизни академии, Иннокентий не упускал из виду и нравственно-воспитательный аспект духовного образования воспитанников, повседневным личным примером укрепляя их в вере и благочестии. Даже самые строгие ре-визоры, находя «отличное по всем частям благоустройство Киевской Академии»⁶¹, отмечали «благонравие» студентов КДА, воспитываемое «строго наблюдаемым благочинием домашним и церковным», глубокий и искренний характер их религиозности, создающей господствующую в Академии атмосферу «христианской тихости», взаимного уважения и дружелюбия⁶². Не удивительно, что КДА 1830-х гг. воспитала наибольшее число православных иерархов за всю свою историю⁶³, и среди них — такого выдающегося подвижника христианской веры, как Феофан Затворник (Говоров), причисленного Русской Православной Церковью к лику святых.

Оценивая итоги «иннокентиевского периода» в истории Киевской Духовной Академии, нельзя не согласиться с емкой характеристикой, принадлежащей Густаву Шпету: «В его ректорство академия встала на ноги; его роль аналогична в этом отношении роли митрополита Платона (Левшина) для Московской академии»⁶⁴. Неординарность личности святителя Иннокентия (Борисова), его глубокое понимание целей и задач духовного просвещения, неиссякающая энергия и талант организатора науки и образования, искренняя преданность взрастившей его Академии явились, пожалуй, самыми важными предпосылками благодатных претворений, составивших фундамент всего последующего развития киевской духовно-академической школы. Его стараниями состоялось подлинное возрождение Киевской Академии не только как учебного заведения, но и как очага науки и культуры. Сплотив преподавателей и студентов общим пониманием целей и задач духовного образования, его религиозно-нравственной, научной и культурной миссии, владыка Иннокентий создал подлинное духовно-академическое сообщество, имевшее не только «ведомственное» значение. Одним из важнейших итогов его ректорства следует считать преодоление замкнутости духовно-академической корпорации, расширение ее научных контактов

⁶¹ Именно так оценил состояние КДА ревизовавший ее в начале 1839 г. митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров), что снижало Иннокентию «признательность Св. Синода» (см.: Послужной список Иннокентия, архиепископа Херсоно-Таврической епархии. // URL: <http://www.lipetsk.ru/town/kraeved/glava2/posluzhnoi.html>.

⁶² Титов Ф., проф. прот. Императорская Киевская Духовная Академия... С. 363–364.

⁶³ Среди них — митрополит Московский Макарий (Булгаков), экзарх Грузии Евсевий (Ильинский), архиепископы Димитрий (Муретов), Парфений (Попов), Антоний (Амфитеатров), Серафим (Аретинский), Никандр (Покровский), Аполлос (Беляев), Иоанн (Петин), Феодосий (Шаповаленко), Митрофан (Вицинский), епископы Вассиан (Чудновский), Петр (Троицкий), Феофилакт (Праведников), Евфимий (Беликов), Алексей (Новоселов), Феофан (Говоров).

⁶⁴ Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 197.

и сферы деятельности, приобретение заслуженного авторитета и уважения за «стенами» Академии. В этом смысле особенно показательным является самое живое и непосредственное участие святителя Иннокентия в становлении открытого в 1834 г. Университета св. Владимира, его стремление к установлению прочных связей с университетской наукой, щедрая кадровая поддержка зарождающихся университетских кафедр. Не будем забывать, что первые полвека киевской университетской философии связаны с именами воспитанников «иннокентиева гнезда» — Орестом Новицким, Петром Авсеневым, Сильвестром Гогоцким; то же касается богословских и историко-церковных дисциплин, преподававшихся профессорами КДА (начиная с протоиерея Иоанна Скворцова) на протяжении почти всей истории Университета св. Владимира.

Передавая осенью 1839 г. бразды правления Академией сменившему его на посту ректора архимандриту Иеремию (Соловьеву), святитель Иннокентий мог не беспокоиться за судьбу своего детища — и не потому только, что Иеремия был его давним другом и соратником. Само дело Иннокентия проросло мощными корнями, стало прочной традицией, заданной планкой, ориентирующей и направляющей жизнь КДА. Оставляя полную творческих сил, обновленную своими воспитанниками преподавательскую корпорацию, он мог быть совершенно уверен, что все его начинания будут продолжены и приумножены. «Никогда не забуду Ваших благих и мудрых бесед. Навсегда сохраню в молитвенной памяти Ваше отеческое благорасположение [...] и потщусь пребыть достойным оногo»⁶⁵, — эти искренние слова как нельзя точнее передают чувства и настроения непосредственных продолжателей дела святителя Иннокентия в стенах Киевской Духовной Академии.

Если учесть, что два последующих десятилетия академической жизни были вверены одним из лучших воспитанников Иннокентия — архимандритам (впоследствии — архиепископам) Димитрию (Муретову) и Антонию (Амфитеатрову), а сам святитель, как свидетельствует его обширная переписка 1840–1850-х гг., до последних дней принимал живое участие во всём, что касалось Киевской Академии, то трудно не согласиться с утверждением известного историка КДА: «Дух Иннокентия Борисова... не оставил Академию и после его ухода»⁶⁶. Благоговейную память и преданность заветам Иннокентия Киевская Духовная Академия продолжает хранить донныне, оправдывая и другое замечание того же историка: дух Иннокентия «живет, можно сказать, и доселе в лучших представителях ее»⁶⁷.

⁶⁵ Письма архимандрита Антония, ректора Киевской Духовной Академии к Иннокентию, архиепископу Херсонскому / [публикация Н. Барсова] // Труды Киевской Духовной Академии. 1884. № 6. С. 259.

⁶⁶ Титов Ф., проф. прот. Императорская Киевская Духовная Академия... С. 364.

⁶⁷ Там же.